

A man and a woman are performing a tango. The man is wearing a red shirt and a dark vest, and the woman is wearing a red dress. They are in a dramatic pose, with the woman leaning back. The background is dark and rainy, with large fires burning in the distance.

А. Афанасьев

ТАНГО СМЕРТИ ПО-КИЕВСКИ...

...ОН ЖИВЕТ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ И ОТМЫВАЕТ НАЛИЧНЫЕ ДЛЯ КОЛУМБИЙСКОЙ НАРКОМАФИИ, ПОЛУЧАЯ ОТ ЭТОГО НЕПЛОХОЙ ПРОЦЕНТ. НО ПРОШЛОЕ НАСТИГАЕТ ЕГО - В ОДЕССЕ ПРОПАДАЕТ СЫН КОЛУМБИЙСКОГО НАРКОБАРОНА И НАШ ГЕРОЙ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА УКРАИНУ, ЧТОБЫ НАЙТИ ЕГО... ИЛИ УМЕРЕТЬ...

Александр Афанасьев

Танго смерти по-киевски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68915319

SelfPub; 2023

Аннотация

Бывший офицер ГРУ по кличке Удмурт считает, что неплохо устроился в жизни: он живет в Буэнос-Айресе и отмывает наличные колумбийской мафии, получая от этого приличный процент. Но прошлое настигает его – в Одессе пропадает сын колумбийского наркобарона и он отправляется на Украину, чтобы найти его. Там его ждут старые враги, старые друзья, новая кровь и страна на пороге государственного переворота. Он спасает того, за кем приехал – но сам оказывается в руках своего давнего врага...

Содержание

...	5
Автор	6
Пролог. Киев, Украина. Верхнеключевская, 4.	7
Киевский институт специальной связи и защиты информации. 28 апреля 2017 года.	
Киевский институт специальной связи и защиты информации. Через несколько минут после завершения мероприятия	17
Монтевидео, Уругвай. Камино Карраско. 14 июля 2017 года.	25
Буэнос-Айрес, Аргентина. 14 июля 2017 года.	48
Информация к размышлению	64
Буэнос-Айрес, Аргентина. 16 июля 2017 года.	66
Одесса, Украина. 14 июля 2017 года.	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр Афанасьев

Танго смерти по-киевски

Падение, свершенное в отчаянии.

Падение, от непонимания
разбудит новые надежды и мечты.

Которые – всего лишь возвращение бессмысленности, горя, пустоты.

За тем, что мы не можем совершить,

За тем, что мы не смеем полюбить,

За тем, что потеряли в ожидании,

Придет лишь новое паденье и страданье.

Уильям Карлос Уильямс "Патерсон"

• • •

Когда мы думаем, что мы не такие как наши деды, наши отцы, что мы все поняли и осознали, что мы изменились. Мы ошибаемся. Ничего не изменилось. И мы по-прежнему свято храним нашу главную военную тайну: кто написал четыре миллиона доносов...

Автор

...

**Пролог. Киев, Украина.
Верхнеключевская, 4. Киевский
институт специальной связи
и защиты информации.
28 апреля 2017 года.**

– Слава Украине!

– Героям слава!

Из старых, еще советских времен динамиков – доносится гимн Украины. Украинские генералы и полковники (последние в явном меньшинстве, не любят в Украине полковников, ну не уважают, а генералов наоборот очень много) – стоят, приложив руку к сердцу. Кто-то поет, кто-то просто шевелит губами.

– Товарищи офицеры, президент Украины Леонид Садовний!

Из-за кулис появляется грузный мужик, одетый в дорогой, но небрежно выглаженный костюм. По рядам проносится сдержанный шепоток: «пьяный»...

В принципе, Садовний – не такой плохой человек. Для мирного времени. Человек из бизнеса, владеющий русским и прихожанин Московского патриархата, с бизнесом в России. Возможно, ему стоило бы стать президентом в 2009 го-

ду – тогда бы не было того кошмара, что украинская держава переживает сейчас.

Затянувшегося кошмара

– Прошу садиться...

Офицеры садятся. Президент проходит к трибуне. Микрофон включают слишком рано, слышно как шуршат листы

– *Шановни громадяне... э...*

Точно – пьян. Это обращение – явно не для элиты Збройных сил Украины. Скорее для предвыборного митинга. Политологи придумали определение для таких случаев – особое состояние президента.

– *Панове офицеры Збройних сил України! Спивитчизники!*

Это уже лучше.

– *Мы воины. Не лентяи. Не лодыри.*

И наше дело – праведное и святое!

Ибо кто за что, а мы – за независимость.

Так вот – нам так и трудно из-за того.

Слова Лины Костенко наиболее точно передают напряженную атмосферу, в которой мы живем вот уже несколько лет. Несколько лет мы идем, как по хрупкому льду. И все мы, а особенно вийсковые должны понимать: маленький неосторожный шаг может стать роковым.

Война за независимость, начавшаяся понад тридцать років тому – продовжується и доси! Открытая агрессия со стороны соседнего государства унесла жизни почти трех

тысяч ста наших воинов. Вечная память героям, павшим в боях за свободную, независимую Украину. И вечная им слава!

Прошу почтить минутой молчания память украинских воинов и мирных граждан Украины, погибших в войне. Вовек не забудем и не простим никогда.

Военные встают. В этот момент – кто-то врубает гимн, по ошибке – и тут же выключает. Мелочь – но из таких мелочей и складывается впечатление. Все какое-то мелкое, суетное. Как украденное.

– ... Уважаемые, уважаемые и дорогие украинские воины! И те, кто сейчас здесь; и те, кто в этот час в окопах на фронте.

Наша страна все еще существует только благодаря вам. Если бы не вы, хронометр нашей новейшей истории еще в прошлом году мог бы навсегда остановиться на отметке «23».

Более четырехсот тысяч человек прошли на военную службу по мобилизации. Из них каждый шестой – добровольцы.

Более десяти тысяч военнослужащих получили ранения. Пятнадцать тысяч солдат и офицеров, бойцов добровольческих подразделений и волонтеров получили высокие государственные награды.

Двадцати пять военнослужащим присвоено высокое звание Героя Украины.

От имени Украинского народа низко кланяемся славном украинском воинству за то, что отстояло и защитило свободу граждан и независимость страны.

Но теперь пришло время для решительных действий!

Президент обводит взглядом зал

— Последние годы мы все, все украинцы, весь объединенный украинский народ, бойцы, украинские воины, волонтеры, рабочие и инженеры на военных заводах, дипломаты и даже чиновники, посмотрите, совместными усилиями мы смогли совместно создать современную, боеспособную, эффективную патриотическую армию. Мы заставили заработать военные заводы в три смены, без выходных. У нас больше нет недостатка ни в современных боевых средствах, ни в боеприпасах, ни в бойцах, которые умеют это применять.

...

— Враг называет нас фашистами! Но это ложь! Правда заключается в том, что во время Второй мировой войне Украина, не будучи в те годы независимым государством, по факту — по астрономической сумме своего колоссального вклада в разгром нацизма, — стала членом антигитлеровской коалиции. А украинский народ по праву присоединился к кругу наций-победительниц и основателей Организации Объединенных Наций.

По меньшей мере, шесть миллионов украинцев, воевавших в рядах Красной армии, — перед Богом и историей являются главными свидетелями несправедности и вопиющей неспра-

ведливости московского пропагандистского мифа, будто Россия выиграла бы войну и без Украины.

Но, возвращаясь к годам Второй мировой, следует отметить, что при очевидной ведущей роли Красной армии, украинских фронтов и советских партизанских соединений в изгнании нацистов, внутри Украины второй фронт борьбы с фашистскими оккупантами открыла Украинская повстанческая армия. Она, идя впереди времени, уже тогда видела Украину независимым государством, а не частью советской империи.

Украинство всего мира присоединились к борьбе с нацизмом. В составе армий стран антигитлеровской коалиции – американской, британской, канадской и других. В движениях сопротивления различных европейских стран. На фронтах Европы, Северной Африки и Юго-Восточной Азии, на Тихом и Атлантическом океанах.

Кто-то в этот момент зло шепчет соседу, кто-то выругался про себя. А кто-то – просто устал...

– Нашими героями являются и ветераны Красной армии, и ветераны УПА. А теперь – их внуки и правнуки в одном строю сражаются за существование нашего государства, защищая его от российской агрессии.

Государство и народ только тогда имеют будущее, когда они способны надежно себя защищать. Это – вывод из всей нашей истории.

Жидкие аплодисменты

– Сейчас уже можно с уверенностью сказать, что благодаря усилиям нашей армии, всего украинского народа, Россия не достигла цели. Украина и Украинцы выстояли, выдержали удар. Мы были, мы есть и будем. И пусть эти мои слова вспомнят в далеком будущем, когда наши внуки будут праздновать первые сто лет независимости.

А вот Новороссия – такой же миф, как у известного писателя Толкиена, страна Мордор.

Российская агрессия стала катализатором нашего объединения. Мы окончательно сформировались как единая украинская политическая нация. Нация, которая, говоря словами известного философа-государственника прошлого века Вячеслава Липинского, «занимает все классы, языка, веры и племена Украинской земли», всех ее граждан.

Сегодня мы сильнее, чем вчера.

Нас нельзя поработить или сломать. Мы рождены свободными на своей земле. И защищать ее мы готовы до конца, чего бы нам это не стоило.

Мы уже освободили большую часть Донбасса. Мы защитили европейский выбор, и уже вскоре Соглашение об ассоциации с ЕС, осталось ратифицировать только двум странам ЕС, вопреки противодействию Москвы, вступит в силу и будет выполняться в полном объеме.

Не смогла Россия разрушить и единства международной коалиции. А санкции тем временем нанесли и наносят мощный удар российской экономике.

Означает ли все это, что враг отказался от идеи прямого вторжения или наступления боевиков вглубь Украины? Нет. Российская вооруженная группировка вблизи нашей границы на Востоке сегодня уже составляет более 50 000 человек. На оккупированных территориях также находится более 40 000, в том числе 9000 кадровых военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, стоящих на руководящих должностях, тем самым формируя подразделения российской армии на наших территориях.

«Москва-военторг» уже поставил и продолжает поставлять боевикам до 500 танков, до 400 артиллерийских систем, до 950 боевых бронированных машин. Только за этот месяц три большие колонны пересекли нашу границу в направлении Луганска. Донецка, Дебальцево.

Должны ли мы, потомки запорожских казаков – жить в постоянном страхе перед вторжением? Имеем ли мы право отказаться от нашей святой обязанности – освободить святую украинскую землю, которую топчет ногами враг!

Нет, не должны!

Можем ли мы не услышать голос своих соотечественников, которые стонут под игом крымских и донецких бандитов?

Нет, не можем

Слушают – кто с воодушевлением, но большей частью – с недоверием. Слишком много они слышали громких речей. Кравчук, например, в девяносто втором году вполне серьез-

но обещал, что Украина через десять лет станет одной из самых богатых стран Европы, второй Францией. А что обещал нынешний?

Мира, кажется.

Имеем ли мы право переложить обязанность освободить украинскую землю до последней пяди на плечи наших детей и внуков?

Нет, не имеем.

А придется. Многие из сидящих в зале – а это была элита украинской военной разведки, институт для нее был одним из основных – неоднократно бывали на линии фронта, кто-то и за ней, говорили с людьми. Им попадали на стол истинные разведданные, а не материалы пропаганды. Они были неглупыми людьми и все прекрасно понимали. Власть, привыкшая разделять и властвовать, побеждать на выборах за счет циничных политических договорняков и манипуляций – оказалась под сильнейшим давлением сразу с нескольких сторон. Первая сторона – Запад, вторая – Путин, третья – собственные радикалы, которые впервые за время независимости получили в руки оружие и организовались. Западу – уже плевать на Украину, ее списали со счетов и готовы отдать Путину на условиях того, что все будет внешне пристойно и от Украины больше не будет проблем. Так что в этом вопросе – Запад и Россия едины. Но есть радикалы. Их много, их десятки тысяч. И в отличие от Запада, в отличие от Путина – они здесь, они в любой момент могут оказаться у ворот, у

окна, готовые на любые радикальные действия. И с каждым годом – их все больше и больше, потому что каждое вступающее во взрослую жизнь поколение должно делать выбор. И оно делает – один из двух. Кто-то уезжает, кто-то примыкает к радикалам – потому что примкнуть к власти нормальному человеку невозможно – это мазохизм. Радикалов становится все больше и больше, а количество, как известно – переходит в качество. И вот – похоже, опять потребовалась маленькая войнушка, чтобы бросить этих радикалов на распыл – пока они не бросили на распыл легитимного. И возможно, эта войнушка, заранее проигранная – всего лишь легальный повод для оккупации Украины Рашкой.

Твою мать.

Президент достает какие-то бумаги. Потрясет ими – ... *Это план! План нашей весенне-летней кампании. Он составлен лучшими генералами НАТО!*

Президент, похоже, не понимает, что говоря так, он оскорбляет присутствующих в зале офицеров

– *И сегодня он будет мною подписан! Это план наступательной кампании! И если каждый из нас выполнит свой долг перед страной – следующий парад мы проведем в Донецке и Луганске. А на следующий год – мы будем встречать этот праздник в свободном от российских оккупантов Севастополе!*

Аплодисменты

– *Я верю в вас! Верю в Украину и в нее народ, которому*

по силу победить русский Мордор, навсегда стать независимым и самому решать свою судьбу

Независимый – это тот, от кого ничего не зависит!

– На Восток! На Донецк!

...

– Слава Украине!

– Героям слава!

Слава Вооруженным Силам Украины!

Слава украинскому народу!

*Украина – слава!*¹

¹ В оригинале это речь П. Порошенко на день независимости Украины

Киевский институт специальной связи и защиты информации. Через несколько минут после завершения мероприятия

Совещание закончилось типично советским вставанием, бурными и продолжительными аплодисментами. В кулуарах, впрочем, настроение было совсем другое, и разговоры велись совсем другие. Зрада на зраде и зрадой погоняет.

– Ну, б... п...ц...

Участники собрания – сбивались в группки по интересам, угощали друг друга сигаретами (цены были чувствительны даже здесь, в военной элите), делились впечатлениями. Настроение в целом было... злобно-веселое, такое бывает, когда терять уже нечего.

– Вы видели? Сбухался конкретно уже наш гарант².

– Да, с бутылки не слазит, я слышал

– Про войну то он к чему завернул?

² Гарант конституции. Шутка двусмысленная и злобная, потому что конституция в политической истории Украины занимает особую роль, в частности – конституция 2004 года. В данном случае намек на то, что президент должен гарантировать соблюдение конституции и конституционных прав граждан – а он их нарушает. Так же намек на Януковича – это его часто называли «Гарант»

– Наверное, б..., к патриотизму. Может, решил что раз Трампа выбрали, терять уже нечего...

– Ага! Б... он на фронте, в окопах хоть раз был?

– А как же. И корочки, наверное, отримал³, не забыл.

Невеселый смех.

– Б... на фронте кто честный, тот в палатках живет, норы... е... вы бы видели эти норы в окопах. Землянки настоящие... и люди там живут. А кто на лапу берет, те уже канадские дома выстроили около нуля⁴.

– Да ну?

– Сам видел. Девяносто третья так живет: у командира новенький коттедж, два километра от нуля

– Охренели.

– А я о чем?

– А чем это он там тряс, бумагами какими-то?

– О... это отдельная тема...

...

– Прикинь, прислали на рецензию документ, восемьдесят с лихом листов, сутки на работу. Я за голову схватился... хрен с ним, выбил три. Оказывается – еще с ялтинского фо-

³ Речь о распространенной практике среди украинских чиновников спастись от люстрации, на пару дней выезжая «туристами» в зону АТО и получая корочки участника АТО, защищающие от люстрации. Для примера, действующий президент Украины не просто попадает под люстрацию, он один из основателей столь ненавидимой сейчас Партии Регионов, бывший министр, бывший секретарь СНБОУ

⁴ Ноль – условная граница, линия фронта

рума тема тянется⁵...

– Ну-ну...

– Короче, наши пиар-асы решили, что если документ напишут американцы, то мы с ним сто пудов победим, одним махом семерых убивахом. Вот, договорились там на этом форуме с Петреусом, кажется – тот и написал доклад. За десять лямов.

– Десять лямов чего?

– А ты как думал? Зеленых, конечно. Американцы за гривны работать не будут.

– Десять лимонов за доклад? Ни х... себе, там, наверное, много кто наварился.

– Может, и так, спорить не буду. Типа последний НАТОвский и американский опыт. Пришел этот доклад, раскидали его нам – просим представить предложения по внедрению. Дальше – сам понимаешь.

– Охренеть. У них же нет опыта конвенциональной войны.

⁵ Ялтинский форум – одна из тем в Украине, на которую нам надо обратить серьезное внимание. Еще в бытность Л. Кучмы президентом Украины его зять, миллиардер В. Пинчук решил проводить в Ялте ежегодный форум, приглашая на него спикеров первого уровня. После 2014 года – по понятным причинам форум был перенесен в Киев, но продолжает называться «ялтинским». В 2015 году – форум прошел двенадцатый раз, темы в основном были военные и по правам человека. Об уровне спикеров говорит то, что по правам человека (гомосексуалистов) выступал «сэр» Элтон Джон, а по военной тематике – генерал Дэвид Петреус (бывший командующий контингентом США в Ираке и Афганистане, бывший директор ЦРУ) и адмирал Уильям МакРейвен (командующий контингентом в Афганистане, командующий спецназом США, командир в операции по ликвидации Осамы бен Ладена).

– Ну, какой-то есть, они базируются на опыте Бури в Пустыне и Свободы Ираку. Только забывают один маленький нюанс – как они вооружены и подготовлены, и как мы. Мы на границе с Россией, они на нас все наши новые глушилки проверяют, у них перехват налажен – закачаешься, перехватывают и сотовые, и спутник – все. Шифраторы, дешифраторы – пофик все. А у нас – ротное звено не всегда нормальными рациями обеспечено, чего говорить об индивидуальных. В большинстве танков – продленный ресурс, у летной техники – тоже, бронетехника с земли подобрана⁶, личный состав – в основном мобилизованные, которым нах... ничего не надо. А нас эти пиндосы учат, как воевать... а вот попробовали бы они сами на такой технике да с таким личным составом – идти хотя бы на Ирак. Не говорят о том, что на Россию. Обороняться то мы с грехом пополам еще обороняемся – а вот наступать...

...

– ... а так в целом... ты понимаешь, что мы живы только до тех пор, пока Россия не решится на массированный удар? Как только решится – нашу хренову линию Маннергейма, в которую мы корнями росли, и которую наш пан головкомандувач подает как великое достижение украинской военной мысли – просто обойдут. А дальше за ней – ничего и нет,

⁶ *Продленный ресурс – у каждой единицы военной техники есть ресурс. По истечении его – технику надо или списывать или продлять ресурс, причем делать это может только разработчик. Приехали, посмотрели – нормально вроде все – продлили. А что потом будет... а хрен его знает.*

до самого Днепра. О чем мы говорим, если до Харькова от границы – пятьдесят километров по ровной дороге, никаких естественных препятствий – они за час будут в городе. Ночью – поднять по тревоге десантников, мотострелков, вэвэшников, посадить на БТРы – и на скорости заскочить в город. Часть сил оставить в городе, ждать пока танки подойдут, а часть – крупными, механизированными соединениями, под прикрытием авиации бросить по тылам АТО, в направлении на Днепропетровск, а то и сразу – на Киев. И чо? И все, и п...ц, оборона наша рухнула.

– Ну... нам тоже есть чем ответить. И американцы нам неплохо помогли, я считаю

– Неплохо помогли. На тебе боже, что нам негоже. Найти бы лучше того п...ра, кто протолкнул через Раду закон о запрете закупки иностранной боевой техники при наличии «витчизняных аналогов»...

– А что?

– А то! Мы уже вышли на финиш с Беларусью по средствам РЭБ. Хотя немного защитить нашу авиацию и средства ПВО. И тут – облом. Притом у них – мировой уровень, у них Россия закупает, заводы в списках особо важных. А у нас – только на бумаге все. Витчизняные аналоги, твою мать...

– Кстати, про витчизняные аналоги. Вот мы ругаем этот доклад. А наш-то есть? Витчизняный...

– А смысл? Ну, написал я. Кто слушать то будет. Мне знаешь, за что выговор влепили? За то, что в шевченковском

уголке⁷ пыль!

– Написал? А почитать? Может, подскажу чего.

– Так пошли. Сравнишь, заодно...

...

– Я копию той хрени сделал.

– Интересно...

Через несколько дней – они встретились вновь, уже в другой обстановке – в официальном кабинете.

– Ну... что скажешь?

– Интересно написано... украинский вариант Бури.

– Ну, да. Гладко было на бумаге. А по-факту... Сербская Краина почти не имела прямой границы с Сербией и была растянута по всей хорватской границе – раз. Сербская Краина состояла из двух не имеющих между собой прямой связи анклавов – два. В тылу основного анклава Сербской Краины была враждебная Босния – три. Сербия, равно как и Сербская Краина была досягаема для самолетов НАТО, взлетающих с итальянских баз – четыре. Сербская Краина практически не имела городской застройки – а тут у нас почти сплошная агломерация, от Донецка до Луганска, плюс сотни километров шахтных выработок, возможно, даже в Россию где-то уходящих – пять. Сербия перед этим была измотана

⁷ Обязателен во всех государственных учреждениях Украины, как раньше был ленинский уголок. Состоит из портрета Т.Г. Шевченко, книги «Кобзарь» и вышитого рушника. На мой взгляд – еще одно свидетельство нездоровья общества.

долгой войной, а Хорватия была только создана и находилась на националистическом подъеме – шесть.

Собеседник понизил голос.

– И я не говорю про остальное...

Что «остальное» – все прекрасно понимали. Украинская власть – бестолковая, брехливая, зрадливая, не способная прекратить растаскивать страну даже в минуты смертельной опасности. Как не крути – но Хорватию на тот момент возглавлял Фрэнк Туджман, бывший генерал югославской милиции, а во главе армии были даже бывшие офицеры Иностранного легиона Франции. В Украине же – во главе страны находился полностью дискредитировавший себя и в глазах народа и в глазах армии поразительный паноптикум, сброд, которого нарочно и не придумаешь. Кровавый пастор с тихим безумием в глазах, кондитер-убийца, больная ведьма, боксер-дебил, спикер со справкой из психбольницы, милиционер, год назад сам бывший в розыске, губернатор с повадками мошенника на доверии...

Но говорить об этом было опасно, потому что все кабинеты прослушивались, а там где не прослушивались – записи делал сам хозяин, собирая собственную папочку компромата. На Украине вопрос политического выживания – это в основном вопрос количества и качества компромата, который ты насобирали на других людей...

– Короче, ты считаешь...

– Безнадежно. Только людей погубим опять, вот и все.

Подзабылись котлы...

– А у меня знаешь... идея родилась. Как резко повысить шансы на успех операции.

– Как?

– Провести дезинформационную операцию. Здесь про это ничего нет, только про меры секретности при подготовке к наступлению. Для тебя не секрет, что летает у нашей границы и какие мощности радиоперехвата развернуты. А нам надо не только сохранить секретность операции – но и добиться того, чтобы русские отдали приказ ОРДЛО не поддаваться на провокации. Конкретный такой приказ – как они умеют.

– И как ты этого добьешься?

– Очень просто. Смотрел фильм Шпион? С Бондарчуком и Козловским...

– Напомни.

– Очень просто. В СССР действует гитлеровский агент. НКВД ищет его, и, в конце концов, находит. Но оказывается, что он имеет задачу не шпионить, он должен передать письмо лично Сталину – лично от фюрера. В этом письме – содержится предложение заключить джентльменское соглашение – никакой войны до первого января сорок второго года. Сталин верит Гитлеру и посылает Берию на границу со строжайшим приказом – на провокации не поддаваться, чтобы ни один придурок. Дело происходит двадцать первого июня сорок первого года...

Монтевидео, Уругвай. Камино Карраско. 14 июля 2017 года.

Понедельник – день, несомненно, тяжелый, и даже на другом конце земного шарика, в Латинской Америке – где перевернуто вверх ногами все, что только можно (например, когда у нас зима – у них это лето) – исключений не бывает...

Я просыпаюсь ровно в шесть. Привык уже. Если посмотреть в окно моей квартиры – может взорваться мозг: такое ощущение, что ты в спальном районе столицы нашей Родины Москвы. Все тоже самое – серые многоэтажки, мусорные контейнеры, грязные дворы, стоянки машин на бывших газонах, спешащие люди. Но я не в Москве. Я – в Уругвае...

Почему здесь? Да сам не знаю... во многом я оказался тут случайно. Мне надо было оказаться от Европы как можно дальше, причем неважно, где – просто, подальше. Я стоял в аэропорту и выбирал рейсы. Так получилось, что взгляд мой пал на Монтевидео и сразу сложилась словесная ассоциация. В свое время, один из первых романов, которые я прочитал – был «Ангел смерти из Монтевидео» Жерара де Вилье. Это была тоненькая книжица, изданная узбекской фирмой Фонд, которая приобрела права на всего Жерара де Вилье на все страны СНГ (помните еще, что такое СНГ?), каким-то чудом, она уцелела в пожарищах Грозного. А так как читать

было особенно нечего, мы и зачитывали ее – до дыр. И кто бы мог подумать, что двадцать лет спустя – я окажусь в Монтевидео...

Квартира это не моя, снимаю. Двести долларов в месяц. Это не много, но и не мало – так, нормально. Но по меркам моих сегодняшних доходов – мало, однозначно. И я еще не решил, осяду я здесь или нет. Так, живу, как придется.

Дверь я укрепил за свой собственный счет, но ко мне вряд ли кто будет вламываться. Потому что эта спалка – квартал не для бедных. В Латинской Америке своя специфика – государство почти нигде и ничего не строило – строили сами люди. И у людей, если они бедны, есть возможность поселиться в трущобах – в Аргентине, например, они называются неблагополучным для русского уха словом «бища». Кстати, трущобы – это не то, что мы представляем по фильмам из Африки, просто это нахаловка, самострой. Дома, возведенные из кирпича, даже многоэтажные – но очень тесно, без проекта, без канализации и без каких-либо нормальных житейских благ – ненормальные есть, например электричество ворованное. Там все просто – купил кирпичи, раствор и строй. Климат мягкий, утеплять не надо, некоторые дома даже стекол никогда не имели – просто ставни. А если ты купил квартиру в многоэтажке – значит, у тебя по-любому были на нее деньги. И ты – человек отнюдь не бедный. Вот и тут – несмотря на затрапезность самого района с русской точки зрения – здесь живет уругвайский средний класс.

Пицца у меня осталась со вчерашнего дня, завариваю крепкий кофе, чай здесь не пьют. Вместо чая тут мате, чисто латиноамериканский напиток, который нужно пить через трубочку, потому что мате в той концентрации, как заваривают тут – портит зубы. Но я не пью мате – я пью привычный крепкий кофе. Пока стынет – а я горячий не люблю, не вижу смысла хлебать обжигающее, безвкусное варено – проверяю оружие и бронежилет. Бронежилет у меня – скрытник, заказной, с повышенной площадью защиты, остановит винтовочную пулю. Автоматический пистолет – тоже лучший в мире на мой взгляд. Иначе нельзя – мы с деньгами дело имеем. С большими деньгами...

Наверное, лучшее оружие ближнего боя сейчас – это автомат НК MP7, он состоит на вооружение практически всех НАТОвских спецназов, начиная от морских котиков и заканчивая... да хрен знает, кем заканчивая. Но немцы почему-то не выпускают на рынок гражданскую версию – по их словам это оружие «слишком опасно». В общем-то, верно, но есть способ обойти. Берете FN5-7, бельгийский пистолет, выпускаемый под схожий по идеологии патрон 5,7*28. В Штатах – его называют «убийца полицейских», так как он прошивает стандартные бронежилеты. Покупаете к нему несколько магазинов на тридцать патронов – не сорок, как в НК, но тоже ничего. И – израильский обвес KROS специально под эту модель пистолета – он превращает пистолет почти в пистолет – пулемет. Есть передняя рукоятка, приклад, можно ставить

фонари, прицелы. Только автоматического огня нет – но он далеко не всегда нужен. На край – автомат у меня в машине. Зачем? Я же говорю – с деньгами дело имеем...

Уже одетый, и с оружием в рюкзаке – пью кофе, мрачно смотря на дом напротив. Ну, чистый же подмосковный спальник, зачем я тут поселился? Ностальгия по Родине, что ли замучила? Так мог бы и уехать. Но нет же...

Ладно.

Одеваюсь, спускаюсь вниз. По пути здороваюсь с соседкой... она аргентинка, сбежала сюда от бардака в ее родной стране, и явно намекает в последнее время, что одной ей скучно. Но я отделяюсь улыбками и вежливым «хола», что значит «привет». Не хочу. Просто ничего не хочу. Ни-че-го.

Машина моя – стоит в ряду других, как и у всех – колесами на газоне. Газон здесь – понятие относительное, как и в России. И слишком много мусора – тоже, как и в России...

Это снова я, Александр Беднов. Когда-то меня кликали Удмуртом, да и имя у меня было другое, но это было относительно давно. Теперь – я гражданин Швеции. Долго рассказывать, как так получилось... не без помощи наших спецслужб, так сказать. Я влился в поток отъезжающих за рубеж в поисках лучшей жизни – и прижился там. Думаю, таких как я – немало...

Крайние три года – жизнь моя пошла кувырком, началось все с операции против сомалийских пиратов – оказавшихся инструментом в руках ЦРУ США. Закончилось – в Болга-

рии, где исламские экстремисты вырезали семью министра внутренних дел Болгарии – в чем есть и косвенная моя вина. Между этими странами – были и Албания, и Украина, и Турция и Болгария. И практически везде, где я был – дело заканчивалось кровавой баней.

В Албании – вырезали цыганскую банду, человек сорок. Это американцы сделали, потом мы тоже многих перебили. В Одессе обезумевшие от крови бандиты – бывшие бойцы АТО – устроили в городе террор, больше десяти человек погибло, погибли оба моих напарника и я едва не погиб. В Турции – с большой кровью удалось предотвратить еще более масштабный и кровавый террористический акт по типу мумбайского – это когда люди высаживаются с моря на берег со скоростных лодок и начинают стрелять по всему, что движется. В Болгарии – ваххабиты вырезали семью министра внутренних дел, не пощадили даже грудного ребенка. Мы в ответ сначала вместе с болгарским спецназом зачистили их нелегальные точки в городе Перник, недалеко от Софии, а потом – вырезали полсела в горах. Там, недалеко от турецкой границы – и контрабанда была, и заложников держали и боевиков хватало.

Конечно, мы за все отомстили. Только мне – сильно надоело все это. И я решил, что с меня хватит всего этого. И подался как можно дальше – за океан.

Тут – пока без крови. Хотя делами я занимаюсь. Надо же на что-то жить...

Автомобиль здесь у меня – мой, не арендованный. Это Форд Эксплорер старой модели, с восьмицилиндровым двигателем, по местным меркам нормально – средний класс. Но он у меня бронированный. Не как для армии, а всего лишь от 44 магнум – но все равно, бронированный. Здесь, в Латинской Америке такие машины очень популярны – от уличных грабителей защищают. Бронированную машину я купил в расчете на то, что дела мы делаем опасные, и она может пригодиться.

Все как в России – корявая дорога с плитами, супермаркет – супермеркадо – на выезде. Под шепот V8 выкатываюсь на двухполосную автодорогу. По правую руку от меня – задрпанная автобусная остановка, а дальше – заросший травой, грязный пустырь. Не, ну чисто Россия. Я могу даже назвать место в моем родном городе, которое один в один похоже на то – та же дорога, остановка, пустырь, мусор мимо урны. Только машин там побольше. Но смысл? И вообще – пора за работу...

Из Монтевидео – кстати, город серый и унылый, смотреть тут совершенно нечего – я еду встречать своего друга в другой город. Колония дель Сакраменто, до нее по первому шоссе по побережью километров сто... но тут это нормально. Многие – живут там, работают здесь... короче, не расстояние.

Юра, мой компаньон из Буэнос-Айреса – прибывает

утренним, скоростным паромом Букебус, которые ходят между Колонией дель Сакраменто и Буэнос-Айресом каждый час. Дело в том, что Колония дель Сакраменто и Буэнос-Айрес расположены на противоположных берегах залива Ла Плата. Паромы – ходят каждый час, и обычно набитые битком. Все дело в том, что многие ездят за деньгами, долларами. В Аргентине оборот долларов запрещен, а в Уругвае разрешен, несмотря на наличие своей, национальной валюты – во многих банкоматах заправлены доллары: этим и пользуются. Еще – на пароме есть дюти-фри и дешевое бухло. Короче, совершенно тоже самое, что и «пьяные паромы» на Балтике⁸, почти один в один, если не считать денежного вопроса.

Юра – русский украинец, то есть русский, но из Украины, смотался из Киева в Буэнос-Айрес в конце девяностых, разуверившись в том, что все будет «добре», что «Украина обречена на успех»^{*9} – как показывают крайние события, небезосновательно разуверился. Украинцев тут много, в одном Буэнос-Айресе их несколько десятков тысяч, существует даже памятник Шевченко. Первые украинцы прибыли сюда более ста лет назад, последняя волна – в последние два года. До этого была волна девяностых, когда прибыл и Юрец.

⁸ В Финляндии – существуют серьезные ограничения на продажу алкоголя, он очень дорог. Поэтому финны садятся на прибалтийские или стокгольмские паромы – там дюти-фри. И нажираются в стельку.

⁹ Украина обречена на успех – один из популярных плакатов во время предвыборных кампаний, такие висели везде.

Прибывая сюда – украинцы находят здесь родственные души – аргентины обожают протестовать и майданить, это у них в крови. Самый страшный майдан в Аргентине был в двухтысячном, я про него еще вам расскажу. Но Юрец не майданистый, он порядок любит, неплохой организатор. Отставной старший сержант ВДВ, Болградская дивизия. Конечно, ВДВ украинские, это совсем не то, что российские, Чечню они не прошли – но это сейчас. Тогда – были одни, постсоветские ВДВ и учили там неплохо. А Юрец еще и в роте разведки был.

Когда Юрец сходит – а тут почти как в самолете, даже лета с багажом есть – мы оба делаем условные знаки, показывая, что у нас все в порядке. Если бы один из нас был под контролем – знак был бы совсем другой...

Я иду обратно к машине. Завожу мотор. Юрец – впрыгивает как раз на ходу...

– Как

– Норм.

Больше говорить незачем, да и не о чем. Едем. Надо успеть забрать яхту и попасть в Буэнос-Айрес до конца рабочего дня...

Наш путь – лежит в другой курортный город, с другой стороны Монтевидео – под названием Пунта-дель-Эсте. Этот город, на самом берегу Атлантики – последние лет десять за-

страируется как международный центр, там строится недвижимость специально для иностранцев на продажу, коттеджи и кондоминиумы. Цены – выше, чем в Монтевидео. Качество – ну... международное, скажем так. Эта застройка – ответ на появление в последнее время прослойки богатых людей, которые в принципе не хотят относить себя к какому-либо государству – это космополиты, граждане мира. Они либо работают удаленно, либо могут себе позволить не работать вообще, и жить как рантье. Они не путешествуют в общепринятом смысле этого слова – а перемещаются между странами всей семьей – год пожили там, потом переехали в другую страну. Они летают самолетами, у них редко есть свои автомобили, их дети ходят в международные школы. Еще – так часто живут те, кто работает удаленно на заказчиков в богатых странах, например, в Англии или США – а деньги тратят в странах, где жить дешевле, налоги ниже, а качество жизни высокое. В Европе, например – такой страной служит Болгария – там есть Солнечный берег с очень приличными кондоминиумами и коттеджами, а прожить можно на триста долларов, ни в чем себе сильно не отказывая. В Пунта-дель-Эсте живет самый разный народ – от американских пенсионеров, до аргентинских миллионеров, не желающих жить в родном бардаке. Особенно удобна Пунта дель Эсте для тех, у кого есть собственная яхта – океан то под боком. Уругвай вообще страна удобная – под боком огромные Бразилия и Аргентина, а сама страна маленькая, валюта доллар, жить

дешево, налоги небольшие, государство особо не досаждают. Последнее – пришлось особенно по душе дону Хосе Марии Франсиско Агирре, колумбийскому криминальному лидеру в годах, который решил тут поселиться. Агенты DEA обычно так далеко на юг не забираются – а вот в родной Колумбии их стало слишком много. Да еще и мексиканские выскочки, так и норовящие отгрызть кусок с рукой. Поэтому дон Хосе и перебрался на берег Тихого океана и живет здесь, особо никого не трогая...

Какие у нас с ним дела? Ну... денежные, скажем так. Вам теория еще не надоела? нет? Тогда продолжаем – ехать то все равно еще далеко.

Все дело в Аргентине. Аргентина – это дьявольски привлекательная, и при этом чертовски ненормальная страна. В этом смысле – она очень похожа на Украину – влюбляет, а потом страдаешь. В начале двадцатого века – Аргентина принимала не меньше мигрантов из Европы, чем США, по сути, Аргентина – это самая европеизированная страна Южной Америки, индейцев и негров тут почти нет. И в том же начале двадцатого века – она и развивалась не хуже США – достаточно посмотреть на застройку центра Буэнос-Айреса, это все конец девятнадцатого – начало двадцатого века, и здания сделают честь столице любой европейской страны. В 1898 году в Буэнос-Айресе было проведено метро – и, кстати, часть вагонов того, 1898 года списали только в 2014 году. Что-то пошло не так. Аргентина – не проигрывала войн,

она вообще практически ни в чем не участвовала. Аргентину – не сотрясали социальные катастрофы такого масштаба, какие сотрясали Россию. Просто – Аргентина каждый год немного отставала в цивилизационной гонке. Немного, совсем немного – но отставала. Отставание это с годами накапливалось. А потом – количество перешло в качество...

Рвануло в конце две тысячи первого года – сами понимаете, какое времечко на дворе было, никому просто не было дела до Аргентины. До этого – в попытке подстегнуть экономический рост – в Аргентине проводились суперлиберальные экономические реформы, иностранные инвесторы по специальным соглашениям освобождались от налогов на срок от пяти до двадцати пяти лет. Это давало инвестиции – но приводило к неконкурентоспособности аргентинских товаров и выводу денег из страны. Дефицит бюджета – покрывался за счет суверенных займов и займов МВФ. Однако, в конце 2001 года – МВФ прекратил кредитовать экономику Аргентины, заявив что ей уже «ничего не поможет». Одновременно с этим – рейтинговые агентства резко снизили рейтинг Аргентины, при этом аргентинское песо имело фиксированный обменный курс к доллару, что позволяло легко выводить деньги из страны, но не позволяло повысить конкурентоспособность местных товаров за счет девальвации. Были введены ограничения на снятия валюты, начали резать бюджет. В ответ – тут же начались демонстрации протеста, переросшие в столкновения с полицией. Двадцатого декаб-

ря – в боях с полицией в центре Буэнос-Айреса погибло двадцать человек. После чего – начался настоящий ад.

За период с 21 декабря 2001 по 02 января 2002 года – сменилось четыре президента страны. Рухнула банковская система страны, закрылись предприятия, разбежалась часть полиции и армии из-за того что не платили – прихватив с собой оружие. Толпы бедняков, а так же внезапно обедневшего среднего класса – грабили супермаркеты, банды – грабили районы. Полиции не было, на улицах стреляли, не было ни работы, ни помощи, ничего – миру в конце 2001 года было не до Аргентины. Был объявлен крупнейший в истории дефолт – на сто тридцать два миллиарда долларов США. Беспредел в стране – продолжался несколько месяцев, и последствия его – видны даже сейчас в повседневной жизни аргентинцев. Начиная от того, что в Аргентине (как и в Узбекистане) к примеру, запрещено хождение доллара, и заканчивая непрекращающимися протестами и общим бардаком в стране.

Хоть квартира у меня в Уругвае – я большую часть рабочей недели провожу в Буэнос-Айресе и я больше портенъос – так называют себя жители Бунос-Айреса. Город я знаю, и сказать за него могу. Это, безусловно, европейский город, более европейский чем, к примеру, Лос-Анджелес. И это чертовски привлекательная... помойка. Во всем.

Например, на главной площади страны – лежат бомжи. Они там лежат в ожидании того, что кто-то позовет их участвовать в акции протеста – за деньги и за еду. Никого

такая «политическая поденщина» не смущает. Протестуют здесь все и по всякому поводу, полиция редко вмешивается. Протестуют уличные торговцы, перекрывая улицы, железнодорожники – не ходят поезда, мусорщики – весь город становится мусорной кучей, полицейские... понятно, что бывает, хотя хуже уже некуда. Не так давно забастовали... школьники, протестуя против сложной школьной программы. Это уже клиника.

Срач везде и всюду. Тот, кто думает, что в Москве грязно – никогда не был в Буэнос-Айресе. Срач не убирают годами, большинство аргентинцев понятия не имеют, для чего существуют урны. Мусор собирают жители из трущоб (биша) и перерабатывают, иначе бы город утонул в мусоре. Они же, трущобники – незаконно врезаются в электросети, годами воруют электроэнергию. Никто с этим ничего не делает, и делать не собирается.

Аргентина – единственная страна в католической Южной Америке, разрешившая гомосексуальные браки и регулярно проводящая парады педерастов. Существует законопроект о разрешении голосовать на выборах иностранным гражданам, живущим в Аргентине и... школьникам. В президентский кабинет водят экскурсии. Президентом страны до недавнего времени была Кристина Киршнер, до нее президентом страны был... ее супруг, Нестор Киршнер. Никого это почему то не смущает, ни в Аргентине ни за ее пределами. Портреты Кристины Киршнер и листовки – висят

езде и всюду. Если строят дорогу или больницу – то рядом с ней обязательно вешают плакат «от президента Кристины Киршнер – аргентинскому народу». Никого не передергивает. Сейчас избрали нового, вроде как правого консерватора – но он уже скурвливается. Я то в России жил, Юрец в Украине, мы как никто другие знаем, как это происходит. Противно смотреть... противно, но уже привычно.

После 2001 года – в стране так и не унялась преступность. На руках немало оружия – тогда военные склады вынесли. Чем дальше, тем хуже – грабят уже днем. Если грабитель залез вам в дом, и вы его убили или он пострадал больше вас – вас посадят. Пойманный с поличным грабитель – может за просто отправиться из полицейского участка домой, рассказав слезливую историю о том, что он украл, потому что был голоден. Малолетних преступников – не наказывают вообще никак – жалеют...

В стране – существует три стандарта железнодорожной колеи и два – в метро. Часть железной дороги электрифицирована, а часть – нет. В Буэнос-Айресе шесть веток метро и на всех – разные поезда. Существует три разных системы трамвая, последний – купили супердорогой французский Альстом, провели ветку всего на четыре станции – и бросили. Состав и до сих пор стоит без движения. При том, что если ветку еще немного продлить в обе стороны – она станет супернужной...

При этом аргентинцы – хорошо знают русских (так они

думают), и одно из их выражений – русо локо. Русские сумасшедшие. Надо сказать, что нелегко будет найти на земном шаре столь же непохожих людей, как русские и аргентинцы. Может, поэтому нас так и тянет друг к другу. Особенно если речь идет о прекрасном поле.

В то же время Буэнос-Айрес – потрясающе красивый портовый город, в котором есть и памятники архитектуры и хорошая недвижимость и красивые (из-за смешения кровей – сами аргентинцы говорят, что они «с кораблей»), легко соглашающиеся женщины. Здесь потрясающее вино и потрясающе дешево по нашим меркам стоит мясо – мясо здесь повседневный продукт, его едят на завтрак, обед и ужин. Мясо и вино – мы всем этим торгуем. И долларами.

Короче, в чем состоит наш бизнес. Аргентинцам нужны доллары и не все согласны плавать за ними в Уругвай. А где больше всего наличмы? Понятно, у картелей. Дон Хосе Мария Франсиско Агирре нуждается в легальных деньгах, у него много грязной наличмы с улиц. Ее забираем мы – с каждым разом все больше и больше. Общепринято – мафия сдает свои доллары примерно десять за восемь, а то и десять за семь – дисконт. Я принимаю доллар за доллар, тем самым показывая уважение дону Хосе – в обмен дон Хосе дает мне крышу. Стоит только сказать, мы от дона Хосе Агирре работаем – вопросов ни у кого не бывает. Эти доллары – мы физически переправляем в Аргентину, после чего распределяем по сети уличных менял. На комиссии зарабатываем.

Часть денег в долларах – мы отдаем знакомым фермерам, закупаая у них говядину полутушами и вино – товары, которые ценятся во всем мире. Поскольку расчет идет наличными, да еще и долларами – нам полагается существенная скидка – налоги тут платить не любят. Так мы зарабатываем второй раз. Говядину и вино мы отправляем в российские торговые сети, понятно, что с наценкой. Деньги – перечисляются на счета дона Хосе, причем деньги эти совершенно законные – за покупку законного товара. Если будут проверять – мясо и вино фактически есть, деньги так же есть – на отмывание не похоже. Так – на крупнооптовой наценке на мясо и вино мы зарабатываем третий раз. Неплохо для новичков, а?

Так неплохо, что я никогда не зарабатывал столько. Юрец уже купил дорогую виллу, я только присматриваюсь. Ну, понятно, что на такой бизнес найдется немало желающих. Но на это есть дон Хосе.

Человек, которого не обойдешь, не объедешь.

Старый, бронированный Кадиллак – ждет нас на въезде в город. Это машина девяностых – Флитвуд Брэгм, единственная такая машина в городе. Скорее всего, в ней не дон Хосе, а Марко, его доверенное лицо, адвокат и соучредитель в каких-то делах. Именно с ним – я впервые иkontakчил. И надо сказать, он немало рискнул, доверяя мне. За это я ему благодарен.

Флитвуд и наш Эксплорер – катятся мимо новыхстроек, кранов и сверкающих стеклом, окруженных зелеными на-

саждениями кондоминиумов. Несмотря на то, что мировая экономика в кризисе, с нефтью, промышленными металлами, китайской экономикой все до сих пор хреновато – здесь строят, строят и строят. Что еще раз подтверждает избитую истину: денег в экономике в кризис не становится меньше – они просто меняют хозяев. Говорят, что Панама уже слишком дорогая и застроенная – поэтому на очереди Уругвай, а дальше – Чили и возможно, что-то в Африке...

Сворачиваем к пристани – точнее, к марине, так называется организованная стоянка для яхт. Это лучшая марина в Уругвае, правда, до марин в Монако или Ницце ей пока далеко. Среди яхт – большинство парусные. Как мне объяснил Марко, у которого есть небольшая личная яхта – парусная яхта может быть такой же роскошной, как и моторная, но при этом – расходы на нее намного меньше. В некоторых странах – даже налоги берутся от мощности, а тут – какие налоги...

Сворачиваем, паркуемся – непринужденно, рядом с Порш Кайенн. Еще пять лет назад – таких машин в Уругвае не было...

– Как обычно?

– Ага.

Я прячу под курткой заряженный пистолет – автомат, Юрец – берет сзади сумку с автоматической винтовкой. Это еще не круто, на яхте Барретт припрятан на случай разборок. Типа «по дельфинам стрелять».

Выходим. Из Флитвуда появляется молодой, носатый тип

под два метра ростом – его, почему то зовут Юри, он израильтянин. Начальник охраны дона Хосе, говорит по-русски. В Латинской Америке, кстати, много израильтян.

– Оружие есть?

– Конечно, есть – отвечаю я

– Оставьте в машине...

Делать нечего, оставляем. Юри быстро обыскивает нас, но мой пластиковый, напечатанный на 3D принтере дерринджер двадцать второго калибра он не находит. Немудрено – его найти нелегко. А где он есть – не скажу. Пусть это будет моей маленькой тайной...

Когда обыск заканчивается, из Флитвуда выходит сам дон Хосе. До этого – я лично разговаривал с ним два раза...

Дон Хосе – в чем-то похож на типичного мафиози, а в чем-то нет. Он не хромает, у него нет палки и шрамов – он выглядит как типичный американский миллионер лет шестидесяти на отдыхе. Он оставил семью (Марко рассказал, что дон Хосе не хочет, чтобы его дети и жена несли груз его проблем) и не чужд плотских удовольствий с местными красавицами. В то же время, он придерживается неких правил, которые сам же для себя и устанавливает.

Он смотрит на меня, на Юру, кивает мне, и направляется к пристани. Мы идем по чуть скользким, просоленным доскам, которые поскрипывают под ногами – навстречу моторной яхте. Товар на ней – уже упакован: водонепроницаемые мешки с поплавками и маяками – на всякий случай.

– Я не спрашиваю, как живет твоя семья, потому что знаю, что у тебя ее нет – говорит Дон Хосе – я не знаю, как принято начинать разговор у вас, у русских, и потому заранее прошу прощения за возможную бестактность.

Я согласно киваю. Мы идем медленно, чайки – кричат над головами

– Наши дела исчерпываются сотрудничеством в области торговли – говорит дон Хосе – и я впечатлен, как у вас идут дела. Надо сказать, редко можно встретить людей, которые умеют так развивать бизнес и зарабатывать на жизнь. Один такой человек – стоит больше ста пистолерос¹⁰...

Я снова киваю, лихорадочно думая о том, что говорить, если дон Хосе прямо предложит мне работать в его бизнесе. Вот о такой опасности – я и не подумал. Конечно, я и сейчас немало замазан – но все что можно мне предъявить – это деньги. К тому же – на наличных не написано, откуда они, и что на них покупали. Я не торгую наркотиками. А вот если работать на дону Хосе напрямую – то еще непонятно, каких врагов ты приобретешь, и чем придется заниматься. Ведь это не простая работа, это скорее... посвящение в рыцари, что ли.

– ... наши взаимоотношения – продолжил развивать мысль дон Хосе – подобно большой семье. И многое держится не на деньгах...

Твою мать!

¹⁰ стрелков, убийц.

– ... а на услугах.

Мы уже шли по пирсу, и под ногами – был океан.

– ... я понимаю, что ты русо, и не являешься членом нашей семьи. Но, тем не менее – я прошу тебя оказать мне услугу. О которой мы ранее не договаривались...

Теперь – надо было говорить мне. Причем – хорошо подумать, как и какими словами. Дон Хосе Агирре не был так известен как Пабло Эскобар или Фернандо Очоа. Он пришел после них – один из тех, кто не воевал с государством, а находил с ним общий язык. Он вообще был выходцем из Мексики, а не из Колумбии. Мало кто знал, что в то время как добивали организацию Эскобара – мексиканские наркомафии покупали подержанные Боинг-737. Потому что малыми самолетами – возить было нерентабельно. А в долю к ним – скорее всего, падал тогдашний президент Мексики. Понимаете размах?

– Я слушаю, дон Хосе – сказал я

– Мой крестный сын пропал. Мне нужна помощь, чтобы его найти.

О как!

– Простите...

– Он пропал в Одессе. Приехал туда – и пропал.

Твою же мать...

Три миллиона долларов – надо было перевезти в Буэнос-Айрес. Никто за нас – нашу работу делать не будет.

Однако.

Лодка была скоростной, не сигарета¹¹ – но достаточно мощная, Сансикер с движками Вольво Пента, давала до пятидесяти миль в час. Я попросил Юрца встать за штурвал, а сам – сел на заднее сидение-диван, покрытое белой кожей, и стал думать думу тяжкую...

Зачем Энрике Артиго, двадцати девятилетний плеейбой из Боготы поехал в Одессу – вопросов у меня нет – совсем не ради того, чтобы попробовать на вкус одесских барышень. Одесса – ключевой в регионе наркохаб, один из мощнейших каналов европейского наркотранзита. Одесса – это открытый город, традиции контрабанды в котором – лет двести, а наркотиками там торгуют лет шестьдесят, Одесса – открытый канал, что на Россию, что на Европу, Одесса, рядом с которой Приднестровье, а там Молдова и «пустая» граница с «шенгенской» Румынией, Одесса – открытый Коридор на Закарпатье, а там – контрабанду тащат сразу на три европейских государства... Короче говоря, Одесса – это лакомый кусок для любого наркотранзитера. Причем без разницы, как отгружать – либо через Атлантику, в Средиземное море и дальше – в Европу... тут надо лишь немного маршрут поменять, из Африки – не в Испанию, а морем – в Украину, дальше, через значительные африканские общины студентов – на Запад. Или через Тихий океан – еще проще. Через мек-

¹¹ *Особый вид полуночных лодок со сверхмощными автомобильными двигателями, часто встречающийся в Мексиканском заливе*

сиканские или колумбийские порты – сразу через Суэцкий канал в Средиземное, дальше в Черное и разгрузка в Одессе. А на территории Украины – кокаин можно и складировать, и хранить, и фасовать... продажность местных ментов превосходит даже продажность ментов в Колумбии или Мексике той же. Понятно, очень хорошо понятно, зачем Артиго поехал туда. Непонятно, почему он пропал. Если бы он залез на чужую территорию, и это кому-то не понравилось бы – его бы избили или убили. Если похитили за выкуп – где требования о выкупе. Почему пропал?

Одесса. Жемчужина у моря...

Это город, который для меня больше родной, чем тот, название которого когда-то было напечатано в моем настоящем общегражданском паспорте. Это город, который мы пытались освободить в мае четырнадцатого – и потерпели поражение. Мы – проиграли свое «Куликово поле», наши предки выиграли – а мы проиграли. Это город, который я предал второй раз год назад – просто убежав из него, вместо того, чтобы сражаться со злом.

Если мяса с ножа.

Ты не ел ни куска,

Если руки сложа.

Наблюдал свысока,

И в борьбу не вступил.

С подлецом, с палачом,

Значит, в жизни ты был

Ни при чем, ни при чем

*Ни при чем!*¹²

Я, по крайней мере, попытался. Но попытка – не считается.

И этот соленый ветер – мне напоминает об Одессе. О городе, который я предал. О всех, кто там остался – о живых, и о мертвых. О мертвых, кровь которых вопиет и требует отмщения. Но я – просто заткнул уши...

¹² В. Высоцкий

Буэнос-Айрес, Аргентина.

14 июля 2017 года.

Район порта Буэнос-Айреса – Пуэрто Мадеро – это теперь самый дорогой район города, там сосредоточена большая часть деловой жизни, построены небоскребы. Нас там ждет автомобиль Юрца – это Форд Экспедишн, бронированный уже по самому высокому классу – шестому. Такие машины – использовались в Ираке и Афганистане.

– Пора идти...

Я посмотрел на Юрика, а он – на меня. Торможу.

Перекинуть мешки в машину – с каждым разом это занимает все больше и больше времени. Скоро – машины хватать перестанет...

Наш офис – расположен в четырехэтажном реновированном здании красного кирпича на улице им. Алисии Мор де Хусто, кто она такая – я и знать не знаю, но офисы действительно хорошие, реновация выполнена на качественном уровне. Мы – поднимаем мешки на грузовом лифте и запираем в сейфы. Часть оставляем – мы развезем их прямо сегодня...

За нашим историческим, четырехэтажным зданием – громятся сверкающие планиды небоскребов...

– Пожрать зайдем – Юрец смотрит на часы

– Нет. Времени нет.

– Тогда хоть мясо куплю...

– Давай...

Мясо в Аргентине – это Мясо. Заперченная, под соусом планида размером в мою руку – это так, чисто перекусить...

Мы сидим в бронированной по самое не могу машине, за спиной – чуть ли не миллион долларов и едим свежее, до-
нельзя острое мясо.

– У нас проблемы? – спрашивает Юрец, аппетитно кусая мясо.

– Нет

– У тебя проблемы?

– Ближе к истине... – невесело усмехаюсь я.

– Что-то с бизнесом?

– Да нет, личное

– Расскажешь?

– Подожди. Давай, сначала развезем бумагу.

Деньги – мы называем бумагой. Просто чтобы сохранять
здравый рассудок и не вестись. Это – не более чем бумага.

Последняя точка на сегодня. Это – центр, площадь Ретире. Что это такое – наверное, догадались... ретирада... ассоциации не всплывают? Ретире – это одна из главных площадей Буэнос-Айреса, очень схожая с московской «площадью трех вокзалов». Здесь и в самом деле находятся три вокза-

ла Буэнос-Айреса из пяти. В остальном площадь – обычная, привокзальная площадь – грязь, машины как попало припаркованные, маршрутки...

Только что – мы отдали последние деньги Оксане, она старшая из менял в этом районе. Мы используем в основном своих, русских и украинцев, так работать проще. Оксана – баба пробивная, в девяностые бросил муж с ребенком – приехала сюда, без языка, без копейки денег – сейчас у нее уже пять точек общепита, причем все пять – в центре. Плюс наша подработка. Вообще я замечаю, что в Аргентине как раз пробиваются чужаки – которые не знакомы с милыми местными традициями бардака. Возможно, рано или поздно президентом Аргентины станет русский (Киришнер по матери, по-моему – поволжская немка) и покончит с местным бардаком раз и навсегда.

Хотя тогда – Аргентина перестанет быть Аргентиной.

Bésame, bésame mucho

Como si fuera esta noche la última vez

Bésame, bésame mucho

Que tengo miedo a perderte, perderte después

Самая известная песня на испанском – льется через динамики, а в душе – будто кошки насрали...

– Дон Хосе отбирает бизнес? – негромко спрашивает Юрец.

– Нет.

– Тогда что...

– Да как сказать...

– Как есть. Я не тороплюсь.

Не торопится он...

Я вообще человек, который не испытывает никогда потребности «излить душу». Тефлоновая она у меня – за редкими исключениями. Но сейчас – я рассказал Юрцу многое. Возможно, даже слишком многое.

Юрец – фыркнул, стукнул по рулю

– И это – всё?

– А что – мало?

– Нормально. Ты дядю Мишу знаешь?

– Нет, кто это?

– Еврей один. Как раз из Одессы. Если он не узнает за два дня, где этот парень – я свои штаны съем.

– Самонадеянно.

– Как есть. Он многих тут устроил... ты же понимаешь, евреи друг друга держатся.

– Позвонишь?

– Зачем звонить? Сейчас поедем?

– Куда? – тупо спросил я. Туплю сегодня.

– Да тут недалеко. Он здесь, в Аргентине...

Дядя Миша – как, оказалось, обитал совсем недалеко от вокзала – в районе, называемом «бицца Лугано». Она хоть и называется «бицца», но это не трущоба, а полноценный спальный район, наподобие нашего Бутово или Химок – два-

дцати с лишним этажные дома и скверная криминогенная ситуация, в том числе и потому, что рядом находится уже самая настоящая трущоба – Бицца 31. Мы решили проехать электричкой две остановки до Хенераль Бельграно, а там – пешком. Автомат – Юрец оставил в машине, но пистолет, переделанный в «почти автомат» был при мне. Надо ли говорить, что на входе на вокзал Ретире не было металлоискателей, и никто и никого не проверял. А кого проверять – бомжей, которые под стенами лежат или торговцев, которые всяким палевом торгуют как у нас на вокзалах в девяностые? Хотя по уму такое оружие брать не стоило, пристанут – что, с автоматом отбиваться?

Хотя могут так пристать, что и автомата будет мало...

Аргентинские электрички – тоже тема, я на них немало ездил, когда только приехал. Про разную колею – я уже говорил. Часть электричек и даже дальних поездов ходит при этом по тем же тоннелям, что и метро – под городом. Сами электрички – расписанные граффити, с разбитыми стеклами, короче свиарник настоящий. Проезд на наши деньги десять рублей, но можно не платить – контролеров нет. Полно торговцев, которых никто не гоняет и нищих. Короче говоря, Москва, девяностые. При этом электрички очень востребованы, в час пик – в мясо, иногда не могут закрыть двери и так и едут с открытыми. Из особенностей аргентинских электричек – там есть полностью стоячие вагоны, без сидений, они для велосипедистов. Некоторые – прямо так и

едут, не слезая с велосипеда, а на нужной станции выкатываются на платформу.

Короче говоря, в России не пропали – и в Аргентине не пропадем ...

Вечерний час пик уже схлынул (а уже темнеть начинало), так что место в электропоезде нам нашлось – да и ехать то всего две остановки. Выйдя – точнее, вывалившись на нужной остановке – мы увидели высотки, подступающие прямо к станции вплотную, начинающие загораться окна, да каких-то местных парубков, тусующихся у края платформы.

В общем-то – мы не из тех, на кого хочется напасть ночью. Два мужика, за сорок, вполне себе конкретных. Знаю точно – на Кавказе с нами никто связываться бы не стал. Но здесь не Кавказ. Здесь люди развращены полной безнаказанностью.

– Куда?

– Через дорогу. Недалеко

Перейдя пути – прямо по настилу – я оглянулся, и увидел, что парубки пошли за нами...

Вопрос даже не в том, что они опасны. Вопрос в том, что неохота привлекать внимания полиции. А если будет разборка – привлечем...

– Прикроешь? – негромко спросил я Юрца?

– Давай.

Я сбросил рюкзак ему на руки, резко развернулся – и пошел навстречу шпане

– Закурить есть?

...

– Закурить, спрашиваю, есть?

Я спрашивал по-русски. Не выдержав психической атаки, шпана отвалила...

Дядя Миша – жил в самой обычной трехкомнатной квартире на одном из верхних этажей неновой двадцатипятиэтажки. Правда, за самой обычной, задрипанной дверью – скрывалась еще одна, из прочной стали. Девять из десяти аргентинцев – никогда не дали бы себе труд поставить такую дверь. Но дядя Миша поставил – деловой, значит. Я кое-кого из русских в Латинской Америке знаю – либо деловые, либо бекпекары, то есть бедные студенты, автостопщики, путешествующие с рюкзаком. Нормально нам не живется...

Юра постучал в дверь, довольно сильно. Сначала – никто не ответил. Потом – раздалось какое-то шуршание и вдруг голос у самого уха, четкий и громкий – я аж подпрыгнул...

– Юра, это кто с тобой

– Друг

– Мне он не нравится.

Юра хмыкнул

– Мне тоже. Открывай, дядя Миша, я за него отвечаю...

Молчание. Я уже думал, что нам не откроют, как вдруг залязгали засовы и болты, и дверь открылась. Пожилой, полный еврей с глазами навывкате, – смотрел на нас глазами испуганной мыши...

– Юра, кто он? – спросил еврей – давно его знаешь?

– Давно, дядь Миш.

– Юра, он не одессит

– Я москаль – внес ясность я

Еврей – тяжело вздохнул и снял последнюю цепочку.

Дядя Миша оказался полным, даже болезненно полным, одышливым. В квартире было не прибрано, обстановка – поздний СССР с местным колоритом, то есть много лишнего, вместо ковра на стене – какие-то разноцветные циновки, на которых индейские орнаменты и сюжеты. В целом – квартира не производила впечатление богатства, она производила впечатление бесвкусицы и тоски по дому...

Когда еврей повернулся, чтобы провести нас в комнату, я увидел в его руке револьвер. Сразу опознал – Доберман, самый дешевый. Здесь есть производство дешевых револьверов тридцать восьмого и двадцать второго калибра для пастухов – гаучо. Дорогое им не надо, да и денег у них особо нет – сугубо утилитарная вещь для защиты от зверя и недоброго человека. Кстати, чем Аргентина на Россию похожа – это наличием в своем составе огромных, почти неосвоенных территорий. Здесь это пампасы – недобрая, почти безлесая земля, продуваемая антарктическими ветрами, выжить сложнее чем в тайге – лес все-таки защищает и дает пропитание и человеку и зверю. Вся Аргентина – это несколько крупных городов и почти не обжитые территории, где есть только фер-

меры и скотоводы.

Дядя Миша...

Еврей поднял палец и проследовал на кухню. На ногах у него были шлепанцы без задника...

– Это и есть твой человек? – раздраженно прошептал я. – Ничего себе...

Юрец показал большой палец. Я посмотрел туда, куда ушел толстяк.

– Может, он в полицию звонит? Или – братве?

Юрец отрицательно покачал головой.

Дядя Миша – появился в обнимку с большой бутылкой Смирновки.

– Вы только поймите меня правильно... – сказал он, хлопая глазами – но надо за встречу выпить. И сейчас мы вот этого поросеночка... лишим девственности.

Он достал какую-то штуку, сильно похожую на помпу, которой добывают воду из больших баллонов, и пристроил ее вместо пробки.

– А! – с гордостью сказал он.

Дядя Миша посмотрел на меня, я отрицательно покачал головой

– Не пью.

Еврей перевел взгляд на Юрца.

– Дядя Миш, я на работе...

Дядя Миша переводил взгляд с меня на Юрца и обратно.

– Ох... чует мое сердце старого диссидента знакомый за-

пах Родины. И конторы. С кем ты связался, Юрочка...

– Дядь Миш, он друг.

– Друг... все они друзья... до случая.

Еврей со скорбью в глазах посмотрел на меня.

– Ладно... говорите... какое у вас к дяде Мише Либерзону дело...

– Человека надо найти...

...

– В Одессе...

– Одесса, Одесса...

Дядя Миша все-же выпил – без нас. Видимо, не выдержала душа старого еврея тоски по Родине...

– Дядь Миш, а кто сейчас в Одессе главный? – спросил Юрец.

– Главный... ох, Юрочка, не сыпь, как говорится сахар на хер больному старому еврею. Нет там главного...

– Все равно, кто-то же должен быть... – вмешался я.

– Есть там такой генерал Салоед...

– Салоид, – машинально поправил я

– Салоид... Салоед... какая разница. Вот он и есть сейчас главный

– Не понял, – сказал я, – он же полиция.

– То-то и оно. Полиция. Знаешь, что он сделал? Он вызвал в свой кабинет всех оставшихся деловых... кого с воли, кого из камеры доставили. Посадил всех за стол. Посмотрел

каждому в глаза и сказал – это вы, что ли, воры в законе? Не-е-е-ет... Вы просто воры. А вот я – вор в законе. Потому что я здесь и вор, я здесь и закон¹³. А кого это не устраивает, тот может...

Я выругался вместе с дядей Мишей. Просто он в голос, а я – про себя. Но не менее тяжело и страшно...

Что же с нами со всеми не так то...

Я ведь был. Был на первом разводе одесской криминальной полиции. Слушал Салоида, который говорил правильные слова, слушал губера... Е.. твоя мать, я был с этими пацанами, когда они учились в полицейской школе. Я видел, как у них горели глаза, я видел, что когда они говорили о том, что хотят «змин в Краине» – это были не просто дежурные фразы. Мать твою так, да что с ними не так. Что с нами не так?

Б...

Как то сразу нахлынуло... Одесса... черт, Одесса. Морбид... Василь... Борис... Игорян... погибли все. За что... ради чего... сказать не может никто. Вот за это? За это, б....?! Чтобы начальник одесской полиции Салоид, сам, кстати, бывший СБУшник мог понтоваться в кабинете перед ворами в законе? И дань собирать с города?! Неужели – за это?!

¹³ История эта подлинная, правда, произошла не в Украине, а в одной из кавказских республик. Один из воров отказался подчиниться, тогда как-то раз ночью к его дому подъехал БТР и открыл огонь. Большие вопросов ни у кого не было.

Этот город самый лучший город на Земле

Он как будто нарисован мелом на стене

Нарисованы бульвары реки и мосты

Разноцветные веснушки белые банты... ¹⁴

Как же все мерзко. Мерзко...

Мне вдруг пришло в голову – это плохо, что украинская революция закончилась такой малой кровью. Это очень плохо, что во имя какого-то там... национального примирения – не повесили депутатов Рады, не начали мочить ментов... прокуроров, прочую, совершенно охреневшую в атаке сволочь. Что не ввели революционный трибунал со смертной казнью. Что дела – по-прежнему рассматриваются исходя из закона, а не революционной целесообразности. Да, я понимаю, мои слова звучат до крайности дико, но... вот как избавиться от таких как полковник, а теперь генерал Салоид? Как добиться того, чтобы они снова не всплыли, не обзавелись фальшивой справкой участника АТО, не сунули кому надо на лапу и снова не пролезли в начальство? А только так – убивать. Потому что иного пути – кажется, уже нет.

Да... я тоже в шоке. В шоке от всего от этого. Кто может что-то предлагать – предлагайте. Или – не ездите по нервам, и так хреново.

¹⁴ Группа *Браво*

– То есть, если приезжает парень из другой страны и начинает искать контакты среди деловых, то...

Дядя Миша покачал сокрушенно головой

– То он сует голову в капкан. Одесса – это капкан, мальчишки. Капкан...

– И все-же... – Юрец пододвинул фотографию пропавшего ближе к пожилому ювелиру – справки то можно навести. Если человек ни за что попал, зачем его в камере мордовать, согласитесь. Родители заплатят... они богатые.

Ювелир взял фотографию, посмотрел на нее... пьяные слезы текли по щекам... И что-то кололо в носу у меня... мне было бесконечно жаль всех нас... меня самого, Юрца... дядю Мишу... нас всех как будто разбросало взрывом... и мы сейчас, на краю света, в чужой нам стране – пытаемся как-то склеить свою разбитую взрывом жизнь, не понимая, что на чужбине сделать это невозможно. А кто-то, кто остался там – добивает... доедает нашу страну. И остановить его – просто некому...

– Не говори ничего...

– Да я и не собираюсь... – сказал Юрец

Мы сидели в машине, оставленной нами на Ретире – к которой мы и вернулись. Стемнело...

– Знаешь, я знал Салоида... – сказал я. – Не так хорошо, но знал. Пару месяцев работал под его руководством. Это... я не скажу, что это монстр. Что это какой-то, до мозга костей

испорченный человек. В сущности – он отличается от нас только тем, что мы уехали, а он остался. Но почему, когда стоит выбор между добром и злом – наше поколение в девяти случаях из десяти выбирает зло? Почему?!

– А мы то сами чем занимаемся?

...

– Мы ведь тоже нарушаем закон, верно? Я знал одного священника, так он мне сказал – не бывает больших и малых грехов, бывает грех и все. Вот мы и есть все... грешные

– Есть же какой-то... предел.

– Не... – Юрец закурил и приоткрыл дверь, чтобы сбрасывать пепел (стекла не опускались, бронированные) – нету. Это мы себя так успокаиваем, что есть какой-то предел и мы здесь, а они – там. Что мы лучше кого-то другого. А это не так. Мы все – порченные.

...

– Нас учили, что человек человеку брат, верно? А мы – слушали это, потом клали на это, воровали понемногу... кто бензин со служебной машины сольет, кто кусман мяса через забор мясокомбината перекинет... было ведь?

...

– Сначала за это наказывали. Потом перестали, потому что наказывать пришлось бы всю страну. А потом – объявили, что это все норм. Что кто успел тот и съел. Просто вышло так, что одни работают, скажем, в торговле, и им до халявы рукой подать, а другие... в больнице... или в милиции... или

в армии служат. И что, одни халяву имеют – а другие на одну зарплату обламываться должны? Не... Ну, вот и понеслась душа в рай. И чего сейчас ручки то заламывать, и делать вид, как мы возмущены. Мы и сами такие же. Просто занимаемся этим в другом месте. Вот и вся разница между нами и ими...

Я вдруг вспомнил одну вещь. Я сидел в русскоязычном интернете – просто чтобы не забывать язык и поддерживать хоть какую-то связь с Родиной. И мне там, в блоге попала статья, в которой автор с таким неподдельным возмущением (дело перед выборами было) говорит о том, что он так не договаривался, на врачей-рвачей, на учителей, которые ничему не учат, на разбитые дороги, и сейчас он требует – верните мне все взад, и советскую медицину и советское образование... понятно, в общем, да? И мне подумалось, а кто ты такой, перхоть, чтобы с тобой кто-то о чем-то договаривался...

Да. Все верно. Мы урываем кусок – и они урывают кусок. И прежде чем искренне возмущаться, не мешало бы нам вспомнить и про свои грехи. Про свои куски, которые мы урвали... мы ведь их урвали, верно? Калым это называется. Жене на сапоги... на очередную выплату по ипотеке... да и просто... на что-то, помимо убогого потребительского набора, который нам положен. Ну, вот – и они урывают. Только мы – жене на сапоги или детей в школу собрать – а они на шубохранилище или на квартирку в Канаде. А суть одна. Потребности просто разные. Придут, те кто искренне возму-

щается сейчас коррупцией до власти – и у них потребности тут же поменяются. Закон жанра.

– Как думаешь, дядя Миша не протабанит?

– Не. Справки, по крайней мере, наведет.

– Надеюсь.

– Ладно... – Юрец выбросил окурок на асфальт, закрыл дверь. – Поехали, что ли.

Информация к размышлению

Насколько ничтожными были все эти заботы, как безоблачно было время! Им досталось лучшее, поколению моих родителей, дедушек и бабушек, оно прожило тихо, прямо и ясно свою жизнь от начала до конца. И все же я не знаю, завидую ли я им, ибо жизнь тускло тлела словно бы в стороне от всех подлинных огорчений, невзгод и ударов судьбы, от всех кризисов и проблем, которые заставляют сжиматься наши сердца, но в то же время так величественно возвышаются! Окутанные уютом, богатством и комфортом, они почти не имели понятия о том, какой нерутиной, полной драматизма может быть жизнь, о том, что она – вечный экспромт и нескончаемое крушение: в своем трогательном либерализме и оптимизме как далеки они были от мысли, что каждый следующий день, который брезжит за окном, может вдребезги разбить ее. Даже в самые черные ночи им не могло бы присниться, насколько опасен человек и сколько скрыто в нем сил, чтобы справиться с опасностью и преодолеть испытания...

Мы, гонимые сквозь все водовороты жизни, мы, со всеми корнями оторванные от нашей почвы, мы, всякий раз начинавшие сначала, когда нас загоняли в тупик, мы, жертвы и вместе с тем орудия неведомых мистических сил, мы, для кого комфорт стал легендой, а безопасность – детской меч-

той, мы почувствовали напряжение от полюса до полюса, а трепет вечной новизны каждой клеткой нашего тела. Каждый час нашей жизни был связан с судьбами мира. Страдая и радуясь, мы жили во времени и истории в рамках гораздо больших, чем наша собственная ничтожная жизнь, как она ни стремилась замкнуться в себе. Поэтому каждый из нас в отдельности, в том числе и самый безвестный, знает сегодня о жизни в тысячу раз больше, чем самые мудрые из наших предков. Но ничего не давалось нам даром: мы заплатили за все сполна и с лихвой.

Штефан Цвейг «Вчерашний мир»

Буэнос-Айрес, Аргентина.

16 июля 2017 года.

Ночевали мы в офисе. Просто потому что – а зачем иначе офис? И к деньгам поближе, и какой смысл тратить деньги на отель? Много ли надо двум мужикам чтобы поспать – диван, раскладушка, одеяло какое-никакое, крыша над головой, да и все.

Следующий день – тоже был занят самыми разнообразными делами, большими и малыми, мы их все переделали, и я немного успокоился, отошел душой. А на следующий день – позвонил дядя Миша, сказал, что есть новости, надо приехать. Мы как раз ехали по городу, в машине Юрца – БМВ-5.

Так и подъехали в Лугано – после звонка минут двадцать прошло, не более. Машину оставили на стоянке – был день, люди с работы не вернулись, поэтому места были. Двор – походил на дурной московский район, те же вытоптанные газоны, стада машин, открытые мусорные контейнеры и собаки.

Ну, как и не уезжал.

– Не угонят? – спросил я

– Не. Мы же ненадолго.

Внизу был домофон, но он, по старой доброй русско-аргентинской традиции... ну, конечно же не работал. Мы прошли в подъезд и вызвали лифт. Но Юрец нажал на кнопку

этажа двумя этажами ниже нужного нам. Молодец, бдительный

Лифт – поднялся вверх, открылись двери. Мы вышли из лифта, начали подниматься... но я что-то почувствовал. Что-то мне уже не нравилось...

– Подожди!

Я понял, что мне не понравилось – след на ступеньках. Кроссовка большого размера. След бурый такой...

Мы переглянулись, Юрец – достал хромированную Беретту. Я – порылся в карманах и достал пакет – я всегда ношу с собой пару, толстых таких, с застежкой. Передал один Юрику – на руку одеть. Левую. И сам – достал свой 5-7, уже без израильского обвеса, но с удлиненным магазином на тридцать патронов...

Теперь мы уже не просто поднимались по лестнице – мы отработывали этаж, прикрывая друг друга. Возможно, это просто какой-то алкоголик поранился, и потом пошел вниз – но что-то мне подсказывало, что нет – не оно...

Так. Дверь. Общая, на этаж ведет. Я прошел и посмотрел вверх, покачал головой – никого. Юрик осторожно толкнул дверь, затем – достал мультитул. Эта дверь – ничем не отличалась от других и там был обычный английский замок...

С дверью – Юрец справился за минуту... а вот внутренняя – была открыта. Я – перехватив пистолет, пошел первым... Кровь. Запах крови. И следы на полу. Пришли...

Либерзона – мы нашли в спальне, он лежал на животе. Образование криминалистическое у меня – какое-никакое было, судя по позе трупа – он бежал. Вопрос в том – куда? На балкон, крикнуть – помогите? Как бы то ни было...

Я наклонился, рукой, на которой был надет пакет, пощупал пульс – мертв. Причем – судя по температуре тела – мертв совсем недавно, нормальная температура тела у него, остывать не стал еще. Этой же рукой – следов оставлять нельзя – прикоснулся к затылку – каша. Ударили по голове чем-то тяжелым, сзади.

– В квартире чисто... – появился Юрец, увидев лежащего выругался – мать твою!

– Дверь закрой входную – сказал я

Твою же мать, только убийства нам и не хватало...

– Они только что тут были...

Юрец рванулся на балкон.

С...а. Это только в фильмах такое бывает, на деле, если дядя Миша начал наводить справки, и его на следующий же день пришили, башку проломили – значит, сделали это местные. Ни один убийца из Украины просто не смог бы добраться сюда, на другую сторону света. А это значит, что местные – уже давно и тесно повязаны с теми беспредельщиками, которые вершат кровавый пир в незалежной.

Ничего удивительного здесь нет. Канада – это не единственное место, где есть украинская диаспора. В Бразилии, например, у украинцев есть целый город – Прудентополис,

где большинство жителей – украинцы. В Аргентине украинцев – примерно 0,8% от общего числа населения, есть организация – Центральная Украинская Репрезентация. Украинцы – играли довольно важную роль в жизни Аргентины, приведу один пример: самый страшный удар по британским войскам вторжения, гибель от попадания ракеты контейнеровоза Атлантик Конвейор, на котором в частности находились все имевшиеся у группировки вертолеты Чинук для переброски войск – это дело рук этнического украинца, офицера аргентинских ВВС. В самом Буэнос-Айресе и окрестностях – по разным оценкам проживает от ста до ста пятидесяти тысяч украинцев, причем большая часть из четвертой и пятой волны эмиграции – это волны после распада СССР, а пятая – идет сейчас. Кто приезжает в Аргентину, с какими целями – здесь никто и не думает это проверять. То, что среди них есть и блатные, и отморозки всякие, и агенты украинских спецслужб – это сто пудов, странно, если б не было. Да и... какие нахрен агенты? Значительная часть уголовников – либо стучала, либо стучит. Вот, выселился такой в Аргентину, думает, что его тут не достанут, ан, нет – позвонят, напомнят о расписочке. Будешь и тут работать на нас как миленький. Вот, может, как раз таким и позвонили и попросили оказать услугу...

Вернулся Юрец

– Что?

– Да ни хрена...

– Ладно – решил я – собирай бумаги, берем комп если есть и уходим. С них – еще станется полицию вызвать...

Сделать мы смогли мало что. Обыскали квартиру – компьютера нет, ноута нет, мобильного нет – ничего нет, ни одного носителя информации. Нашли настенный сейф – но комбинации мы не знали. Судя по всему – убийцы и не пытались его вскрывать.

В стоящем в гостиной чешском сервизе, в чайнике – мы нашли тысячу шестьсот долларов купюрами по сто и по пятьдесят. Убийцы – не взяли и их...

Одежду, обувь, мобильные телефоны – мы выбросили в Рио-Плату по пути в Уругвай, с борта парома. Мобильные телефоны – были куплены нами на подставных лиц, по ним – даже если сделают распечатку, привязать их к нам все равно не получится. Если и остались следы на одежде и обуви – больше нет ничего. В дюти-фри – мы купили бутылку «Смирнофф», вымыли лица и руки, остатки – употребили внутрь. Было крайне паршиво.

– Чем он занимался? – спросил я Юрца. Паром – стремительно шел по направлению к Уругваю, огни Буэнос-Айреса уже растворились за кормой. Была ночь.

– Брюлликами

– Бриллиантами? Какими?

– А хрен знает, какими. Может и левыми. Ты же понима-

ешь, тут спрос будет.

Понимаю. На такое дорогое и компактное средство сбережения, которое можно тупо сунуть в карман, а потом продать в любой точке земли – спрос тут всегда будет.

То есть – человек, занимающийся бриллиантами – дверь кому попало не открыл бы.

– Крыша у него была?

– Да.

...

– Я.

...

– Он моему отцу помог в свое время. Сильно.

Я посмотрел на просвет пустую бутылку Смирнофф, потом размахнулся – и закинул ее в воду.

– Знаешь, кто мог?

– Нет. Но кто-то из своих.

Вот и я так думал. Кто-то – из своих...

Короче, ехать надо...

– Короче, дело к ночи, Юрик. Ехать надо. Один справишься, или надо дона Хосе на помощь звать?

– Справлюсь. Оксанка если че поможет.

– Вы чего – уже?

– Да.

– Поздравляю.

– Да не с чем...

Юрец посмотрел на реку, на отражающиеся в ней ночные

огни и сказал

– Не с чем поздравлять, братишка. Мы все – от одиночества бежим, как можем. Я, она... Думаешь, у нас чувства есть?

...

– Да нет особо никаких чувств. Просто – выть от одиночества хочется... ствол бы в пасть – и... И ей – тоже. Чужое здесь все. Чужое. А так – хоть один родной человек рядом. Свой. Хоть немного легче, понимаешь?

– Ничего – сказал я – мы еще вернемся домой. Юра. И все будет добре. Слышишь меня? Все будет добре...

Но я и сам понимал, что это – ложь...

Одесса, Украина. 14 июля 2017 года.

*Только верю я,
Что наступит день,
И уйдет зима, и придет апрель.
И тогда мы покажем им всем,*

Фидель...

Как же давно это было. Время, когда можно было без оглядки верить. Время, когда главной проблемой было достать апельсины к Новому Году. Время, когда кого-то можно было назвать братом...

Я уезжал из России на Запад антикоммунистом. В девяностые мы служили... мы видели, что вообще творится вокруг – но при этом большинство из нас реально поддерживали Ельцина, точно вам говорю. Даже в самые тяжелые и смутные дни – поддерживали Ельцина. Советский Союз – запомнился нам бесконечными очередями, бесконечной говорильней по телеку и веселым хаосом упадка. Жрать нечего, жить весело, куча запретов, на которых всем насрать, все бегают по магазинам и отовариваются, а кому повезло служить в ЗГВ¹⁵ – те бегают по германским автомобильным ба-

¹⁵ Западная группа войск

рахолкам, скупают дешевые подержанные машины и гонят их домой, на Родину. А Родина их встречает – палатками в раскисшем осеннем поле и... я вас туда не посылал. Да, не посылал. Да никто ни от кого и не ждал тогда ничего особо. Все всё понимали...

Украина – дала мне по башке, причем не один раз, а дважды. Первый раз – в мае две тысячи четырнадцатого. Когда несколько десятков человек сгорели заживо в Доме Профсоюзов (потом у украинской власти хватило ума отдать это проклятое место под штаб украинских ВМФ), но самое страшное произошло не второго мая. А третьего. Когда к Дому Профсоюзов ринулись любители сделать селфи с трупами. Когда украинский интернет вскипел зловонной пеной шуточек про поджаренных колорадов. Когда произошедшему открыто радовались десятки, сотни тысяч людей. И тогда-то я понял, что мы потеряли что-то очень важное, что-то, что сложно описать словами и невозможно купить деньгами – но что-то чрезвычайно важное. Что-то, что дает нам возможность оставаться людьми.

Мы это потеряли.

Второй мой постмайдаанный приезд в родную Одессу – это приезд в составе особой группы полицейских инспекторов ЕС, которые должны были помочь Украине подготовить полицейских детективов на смену прежним, уголовному розыску. Я уже описывал это, не буду ударяться в словеса. Оба моих напарника погибли, одного – убили нацгвардейцы и по-

граничники, когда мы пытались уйти в Приднестровье. Тогда я понял еще одно. Нет, не то, настолько живуча и страшна система – той системы уже не было по факту, украинцам удалось ее сломать и разгромить ценой большой крови. Я понял, как страшно то, что пришло ей на смену. Такой мрак... такого мрака не было нигде, наверное. В Латинской Америке, в том же Уругвае – было антикоммунистическое военное правительство, действовали эскадроны смерти – все это прекратилось только в конце девяностых, с концом глобального противостояния двух систем. В Аргентине – правила хунта, у нее были военные советники из Франции и наши, белогвардейцы¹⁶. Тогда была разработана концепция войны армии против активной части общества, получившая название «аргентинский вариант». Группы офицеров младшего и среднего звена – объединялись в ячейки, похищали и убивали людей, о которых становилось известно как о коммунистах, сочувствующих или носителях антиправительственных взглядов. При этом, в отличие от всех других систем –

¹⁶ *Тема белогвардейцев в генезисе спецслужб Франции и Латинской Америки – никем не изучена. Например, мало кто знает о генерале Константине Мельнике-Боткине, который закончил службу Франции на посту куратора всех (!!!) французских спецслужб (по нашему это секретарь Совета Безопасности). Или Зиновий Пешкове, соратнике Де Голля. Практически ничего неизвестно и о белогвардейских советниках многочисленных, латиноамериканских хунт, в том числе генерала Гальтери. Но есть основания утверждать, что аргентинский вариант – автономные группы офицеров-убийц, ничего не докладывающие командованию – придумали белогвардейцы и французские офицеры, прошедшие Вьетнам и Алжир, многие – тайные участники ОАС*

они не получали приказа делать это, не отчитывались о выполнении, не говорили, куда дели тела – во многом поэтому, до сир пор судьба большей части похищенных в те времена неизвестна, и белые платки – ничего не могут сделать¹⁷. Это все страшно... мы не представляем как это страшно... хотя нет, представляем. Тридцать седьмой – навсегда останется с нами, как общий грех – и грех каждого из нас. Но чтобы генерал вооруженных сил, Герой Украины – одновременно с этим был покровителем и куратором банды, чтобы бандиты, военные и правоохранители стали сторонами одной и той же медали, когда бандиты делают то, что не хотят или не могут военные... Когда наличие собственной банды становится чудовищной нормой и обязательным условием для продвижения вверх, точно так же как раньше было понятие «блат», наличие людей, лично тебе обязанных. Когда нормой для решения вопросов продвижения вверх – становится не компрометация, а убийство конкурента. Когда убийство становится обыденностью.

И вот сейчас, когда я уже к пятому десятку иду – вот сейчас я начинаю понимать, что мы на самом деле потеряли в те проклятые годы. Человечность мы потеряли – то, что нельзя описать словами – но и без чего нельзя жить.

Нет, меня вряд ли можно назвать коммунистом. Просто я

¹⁷ *Белые платки – движение жёницин Аргентины. Когда происходили похищения – жёницины приходили в центр Буэнос-Айреса чтобы обменяться новостями, узнать, нет ли чего нового о судьбе пропавших их близких. Чтобы узнавать друг друга – они надевали белые платки. Движение это существует и до сих пор.*

начал понимать то, что до этого не понимал.

В Одессу – я летел через нейтральную Вену – там был рейс до Одессы, с пересадкой. В Вене на меня откровенно косились – на людей с бородой в Европе косятся, сейчас это немодно, по понятным причинам. Немного спасало то, что борода была коротко пострижена и очки – они придавали мне сходство с барбудос¹⁸.

Аэропорт Одессы – встретил мелким дождем и обглоданными костями нового терминала рядом со старым, советским еще. Придурок на букву С начал не одну, а две стройки – нового терминала Одесского аэропорта, и аэропорт для бюджетных авиакомпаний, на базе бывшего военного аэродрома. Не закончили, как водится – ни один.

Впрочем, после Латинской Америки – я отношусь к этому с пониманием. Там еще круче все...

До аэровокзала – к моему удивлению, нас подвезли на вездесущих украинских Богданчиках. Наверное, аэропортовские автобусы советского времени вышли из строя от старости. В здании аэровокзала – остро пахло каким-то средством для мытья окон. Ну, здравствуй, Одесса...

Одна сплошная Гавана, твою мать...

Щипало в носу и хотелось плакать – от того, что я теперь здесь чужой. Что я свой в Аргентине, в Уругвае и чужой на Украине. Свой среди чужих, и чужой среди своих.

¹⁸ *Барбудос – бородачи, соратники Фиделя Кастро*

Но я держался. Нельзя раскисать...

Снимать квартиру я пока не стал – посмотрим еще, что к чему. Не сезон, так что снять – всегда успею. Вместо этого – я купил с рук смартфон и походил по городу, ища бесплатный вай-фай. Он – нашелся рядом с Оперным театром. Хорошее место...

То, что я собирался сделать – называлось «распределенным звонком». Это значит, что вы берете два телефона и ставите на них специальную программу. Один телефон вы прячете и отходите настолько далеко, насколько позволяет зона вай-фая. В принципе – можно звонить и с другого конца города, если у вас есть там точка доступа к Интернету. Вы получаете удаленный доступ к спрятанному смартфону и звоните со своего, который у вас – но система распознает звонок как с того, который спрятан. При этом – голос идет в цифре, между вашим и спрятанным телефоном по Интернету, а между спрятанным телефоном и абонентом – уже по обычной сотовой сети. Ваш же телефон, который у вас в руках – сеть не видит, и определить его местонахождение не может. Систему эту придумали наши, русские ребята и в последнее время – ей охотно пользовались самые разные люди, от террористов и наркобаронов и до любителей скачивать интернет-контент на халяву. Короче говоря, в вопросе обхода правил мы, русские снова оказались на высоте.

Зайдя на сайт полиции Одессы – я посмотрел личный состав и нашел там своих знакомых. Тех, с кем мы учились в

Польше. Один из них, Никита Плачков – был заместителем начальника полиции Одессы по «криминальным проваждениям». Я помнил его – трудолюбивый старательный парень. Что показательно – куратором их пары был представитель Скотланд-Ярда.

Для чего я это говорю. Да для того, чтобы вы понимали – он своего человека в замначи протолкнул. А мои – оба на кладбище. Вот, это и есть все, что надо знать и помнить об этом.

В связи с тем, что полиция Украины была «видкрытой для граждан» – рядом с каждой фотографией и именем был номер сотового. Я не надеялся, что по нему ответят – потому послал СМС и стал ждать.

Через десять минут – телефон зазвонил.

– Алло...

– Алло. Кто это?

– Александр Беднов. Из Швеции.

Молчание.

– Надо поговорить.

– О чем?

– Об Этинзоне – прости, Игорь, что я тебя, мертвого в это втравливаю, но это нужно не мертвым. Это нужно живым.

– О чем говорить?

– Много о чем.

Молчание

– Где и когда? – наконец сказал Плачков

– Я перезвоню.

Минут черед десять – четыре до боли знакомые белые Тойоты Камри – вынырнули на площадь, с визгом затормозили у оперного театра. Опера, которых послал Плачков, с автоматами и в бронежилетах – начали окружать здание. Автоматы тоже были до боли знакомые – МР5 «украинского» варианта с удлиненным стволом – производятся в Турции специально для гражданского рынка Украины. От гражданского – полицейские и военные отличаются только режимом автоогня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.